

УДК 398
ББК 82.3Р

Структура, поэтика и прагматика одного типа охотничьих заговоров

Андрей Львович Топорков

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Аннотация. *Статья посвящена группе охотничьих заговоров и магических формул, которые фиксировались на протяжении примерно двух веков на огромной территории Русского Севера и Северо-Запада, Южной и Центральной России, Поволжья, Приуралья и Сибири. На основе коллекции из 24 текстов обобщаются сведения об их истории, географии распространения, структуре, поэтике и персонажах.*

Магическая формула произносилась в опасной ситуации визуального контакта двух охотников, когда каждый из них мог опасаться того, что другой охотник наведет на него порчу с помощью заговора. В такой ситуации важно было быстро сориентироваться и произнести магический текст таким образом, чтобы успеть опередить своего соперника. Небольшой размер и поэтическая форма способствовали запоминанию этих текстов, облегчали их передачу от одного исполнителя к другому, упрощали произнесение текстов в ситуации неожиданной встречи с другим охотником, придавали текстам эстетическую привлекательность. Делается вывод, что структура и поэтика текстов во многом определялись особенностями их функционирования.

Ключевые слова: *заговоры, магические формулы, охотники, структура, поэтика, функции.*

Дата поступления статьи: 27 сентября 2025 г.

Дата публикации: 30 марта 2026 г.

Для цитирования: Топорков А. Л. Структура, поэтика и прагматика одного типа охотничьих заговоров // Традиционная культура. 2026. Т. 27. № 1. С. 95–105.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2026.27.1.008>

Фигура охотника в народных поверьях связана с таинственным миром леса, лесным хозяином и другой нечистой силой, которая якобы заключает соглашение с охотником и оказывает ему покровительство [Денисевич 2001; Трофимов 2001; Левкиевская 2004; Гура 2009; Добровольская 2009; Ляхова 2009; Мороз 2013].

В русском фольклоре имеется группа своеобразных магических формул и заговоров, которые произносились охотником, когда он видел, что другой охотник тоже идет в лес. В настоящей статье обобщаются сведения об истории, географии распространения, структуре, поэтике и персонажах таких текстов. Исследование

основано на проработке 24 магических формул и заговоров, перечень которых приведен в конце статьи.

Традиция этих текстов фиксируется на протяжении примерно двух веков на огромной территории Русского Севера и Северо-Запада, южных и центральных регионов России, в Поволжье, Приуралье, Сибири. Наибольшее количество текстов записано в г. Костроме и Костромской (№ 3, 4, 23), Пермской (№ 7, 18), Архангельской (№ 20, 24) и Вологодской (№ 2, 11) губерниях.

В большинстве имеющих описаний сообщается, как можно взглянуть охотника, хотя и не объясняется, зачем это нужно делать, например: «Когда увидишь идущего с ружьем охотника на промысел, переговори сам про себя три раза: “Не охотник — поп, не ружье — кадило, не порох — ладан”. Когда произносишь эти слова, то уши заткни средним пальцем. Сколько бы охотник птицы не увидел и не стрелял, но убить не убьет и не застрелит» (№ 7)¹; «Чтобы охотник ничего не убил, следует, увидя его, сказать про себя...» (№ 9); «Три раза подумать так — ружье не выстрелит» (№ 21).

В некоторых случаях охотник производил текст, чтобы дичь, которая ускользнула от другого охотника, досталась ему самому. Например, заговор «На чужую дичь» сопровождается пояснением: «При встрече с охотником, чтобы воспользоваться дичью, нужно отворотиться от него и сказать про себя...» (№ 12).

Один из текстов нашей коллекции предназначен для рыбаков, а не для охотников и поясняется следующим образом: «Рыболов, увидев идущего на промысел конкурента, обгоняет его и тихонько приговаривает: “Не рыболов идет, а дьякон: не рыб ловить, а детей крестить!” — “Ему ни одна рыбка не попадет, а мне вся попадет”» (№ 24).

О существовании заговоров интересующего нас типа в XVIII в. позволяет судить текст из рукописи, конфискованной

у ее владельца в Тамбовской губернии в 1772 г. Это короткий заговор, который имеет формулу зачина с описанием места действия, повествовательную часть и формулу закрепки: «Из-за горы из-за тучи выходили семдесят бесов, выносили семдесят мешков не свинцу и не пороху, а золы от Адамовой кости. И я, раб, заряжаю ружье не свинцом и не порохом — золою. А тем делам аминя нет, небо — ключ, земля — замок» (№ 1).

С другими рассматриваемыми заговорами данный текст может быть сближен только условно, поскольку он произносится от первого лица и в нем отсутствует образ охотника.

Первые фиксации самой магической формулы встречаются в рукописи начала XIX в. из Великого Устюга (№ 2) и в другой рукописи середины XIX в. из Костромского уезда (№ 3, 4).

Наиболее поздние записи сделаны фольклористами в 1964, 1973, 1974, 1977, 1988 и 2000 гг. на Русском Севере, в Сибири, Поволжье и у русских Литвы.

СТРУКТУРА

По своей функции рассматриваемые заговоры и магические формулы относятся к текстам, призванным навести порчу на другого человека, однако они отличаются от большинства «черных» заговоров, для которых характерны проклятия, угрозы физической расправы, отсылки в необитаемые пространства и т. п. В некоторых охотничьих текстах появляются мертвецы, бесы и черти, однако они не имеют пугающего характера, а кажутся достаточно безобидными и даже забавными.

Один из текстов содержит вопрос: «Кто идет?» и ответ на него:

Кто идет? Не стрелец с ружьем,
а поп с требником;
Он идет не птиц стрелять,
а молитву давать (№ 11).

¹ Цитаты приводятся со ссылками на нумерацию текстов в перечне охотничьих заговоров на порчу оружия, помещенном в конце статьи.

Исходя из этого, можно представить себе возникновение магической формулы в ситуации, когда два путника приглядываются к человеку, который входит в лес, и один из них спрашивает: «Это охотник?» А другой ему отвечает: «Это не охотник, а поп».

Рассмотрим в качестве примера следующую формулу: «Идет не охотник, а поп; / не с ружьем, а с хрестом, / не на охоту, а на благословение» (№ 6).

В этой формуле как бы накладываются друг на друга два простых предложения: «Идет охотник с ружьем на охоту» и «Идет поп с хрестом на благословение». При этом трем лексемам первого предложения ставятся в соответствие три лексемы второго, так что получаются три синтагмы: «идет не охотник, а поп», «не с ружьем, а с хрестом», «не на охоту, а на благословение».

Инвариант зафиксированных формул можно представить следующим образом: «идет не *a*, а *b*, // несет не *c*, а *d*, // (делает) не *e*, а *f*», где:

a — охотник, стрелец;

b — поп, чернец, старец, мертвец, покойник, мужик;

c — ружье, пищаль;

d — кадило, крест, ладан, требник, гроб, осиноый кол, колода, дубина, кочерга;

e — стрелять, птицу бить, птиц стрелять, бить зверя;

f — благословлять, молитву давать, на похороны собирать, кадилом кадить, детей крестить.

Магические формулы на порчу охотника включают одну, две или три синтагмы, следующие друг за другом в определенном порядке.

Три синтагмы встречаются в 8 текстах (2, 3, 5–7, 13, 16, 21), например: «Ты не стрелец, ты чернец; / у тебя не ружье, у тебя кочерга; / у тебя не порох, а сенная труха забита палкою» (№ 3); «Моисей и Елисей пророк, вон идет охотник доро-

гою, / не ружье несет, а дубину, / не из ружья стреляет, а поп рукой благословляет, / не стрелец, а мертвец...» (№ 5); «Не охотник — поп, / не ружье — кадило, / не порох — ладан» (№ 7); «Ни стрелец идёт, а старец, / ни ружья несёт, кадило, / не стреляет, а благословляет...» (№ 16).

Десять формул включают по 2 синтагмы (№ 4, 8–12 (1)², 12 (2), 20, 23, 24). По сравнению с текстами, включающими три синтагмы, в этих формулах сохраняется первая синтагма, но при этом опускаются либо вторая, либо третья, например: «Не охотник идет, а поп; / не стреляет, а благословляет» (№ 4); «Не стрелец идет, а мертвец, / не птицу бить, но на похороны собирать» (№ 8); «Идет не стрелец, идет мертвец; / держит не ружье, а дубину» (№ 10); «Это не охотник, а поп с кадилом, / он будет не стрелять, а кадилом кадить» (№ 20); «Едет поп, не стрелец — / несет крест, не ружье» (№ 23). Условно к этой группе можно причислить еще один текст: «Не стрелок идет, / не ружье несет, а скалки» (№ 15).

Имеются также 2 текста с одной синтагмой (№ 14, 22), например: «Не стрелок стреляет, а чорт мишень подставляет» (№ 14). К ним можно условно отнести еще 2 текста (№ 1, 18). В первом одна синтагма встречается дважды: «Из-за горы из-за тучи выходили семдесят бесов, выносили семдесят мешков *не свинцу и не пороху, а золы* от Адамовой кости. И я, раб, заряжаю ружье *не свинцом и не порохом — золою*³» (№ 1). Во втором используется сравнительная формула: «Ходи, охотник, как поп ходит с кадилом!» (№ 18).

Магические формулы, в которых фигурирует поп с кадилом или с требником, могут рассматриваться как варианты одного текста (№ 11, 12 (2), 16, 18, 20, 21), хотя количество синтагм в них разное: одна (№ 18), две (№ 20, 21), три (№ 11, 16, 21), а в одном тексте объединены две формулы, из которых первую мы условно отнесли к группе с тремя синтагмами, а вторую — к группе с двумя (№ 12).

² Текст № 12 состоит из 8 строк и представляет собой контаминацию двух магических формул по 4 строки каждая. Первое четверостишие обозначается условно как 12 (1), второе — как 12 (2).

³ Здесь и далее курсив в цитатах мой. — А. Т.

Предложенная схема, разумеется, не передает всего многообразия магических формул. В некоторых текстах разные синтагмы объединяются друг с другом, в других отдельные синтагмы представлены не в полном виде и т. д.

Магические формулы могли сокращаться или, наоборот, разрастаться в объеме, обрастать другими формулами заговоров и молитв, включаться в состав заговоров большего размера, повторяться в рамках одного текста, контаминироваться с другими формулами и т. д.

В корпусе текстов можно выделить две тематические группы; одна из них связана с образами священнослужителей, а другая — с образами мертвецов. При этом появление в первой синтагме попа (чернеца, дьякона, старца) инициирует в дальнейшем привлечение церковных атрибутов (кадило, крест, требник, ладан), а появление покойника — мотива похорон и атрибутов, связанных с миром смерти (гроб и осиновый кол), например: «Не стрелец идет, а мертвец, не птицу бить, но на похороны собирать» (№ 14).

Рассмотрим по отдельности содержание трех синтагм в двух тематических группах.

Первая синтагма в 20 формулах первой группы включает словосочетания типа: «(идет, ты, это) не охотник (стрелец, стрелок), а поп (чернец, дьякон, старец, покойник, мертвец, мертвяк, мужик)» (№ 3–12 (2), 13–18, 20, 21, 23, 24).

При этом в 8 текстах первой группы упоминается поп (№ 4, 6, 9, 12 (2), 18, 20–22), по одному разу — чернец (№ 3), старец (№ 16), дьякон (№ 35).

В 5 текстах второй группы фигурирует «мертвец» (№ 5, 8, 10, 11, 13) и по одному разу — мертвяк (№ 19) и покойник (№ 17).

Общим для персонажей обеих групп является то, что, согласно приметам, встреча с ними сулит путнику неприятности.

Вне двух тематических групп остаются «мужик с батошьем» и холоп из заговора «На чужую дичь» (№ 12).

Вторая синтагма фигурирует в текстах 19 раз и имеет следующий инвариант: «(поп, мертвец и др.) несет не ружье (пи-

саль), а кадило (крест, колоду, требник, гроб, осиновый кол, дубину, батошье, железную клюку, кочергу, скалки)» (№ 2, 3, 5–7, 9–11, 12 (1), 12 (2), 13, 15–21, 23).

В пяти текстах первой тематической группы, связанной с образами попа, чернеца, дьякона и старца, фигурирует кадило (№ 7, 16, 18, 20, 21), в четырех — требник (№ 9, 11, 12 (2), 20) и в двух — крест (№ 6, 23).

В этой же группе встречаются и другие предметы: колода (№ 2), кочерга (№ 3).

Во второй группе, связанной с образами мертвецов, появляются такие предметы, как осиновый кол (№ 17), гроб (№ 13), дубина (№ 10), железная клюка (№ 19).

Сочетание образов священнослужителей и покойников с не свойственными им атрибутами вызывает комический эффект, например, поп несет колоду (№ 2), у чернеца есть кочерга (№ 3), мертвец держит дубину (№ 10), мертвец везет гроб за плечами (№ 13), покойник несет на плече осиновый кол (№ 17), Иван-мертвяк взял железную клюку (№ 19).

Вне двух обозначенных групп остаются охотник с дубиной (№ 5), мужик с батошьем (№ 12 (1)), (поп)? со скалками (№ 15).

Третья синтагма встречается в текстах 20 раз (№ 1–9, 11, 12 (1), 12 (2), 13, 14, 16, 17, 20–22, 24). Отметим, что в случае отсутствия второй синтагмы третья присоединяется к первой и становится второй по порядку.

В 12 текстах в третьей синтагме для описания неправильного поведения персонажей используются одиночные глаголы и словосочетания с глаголами и существительными; инвариант: «(поп, мертвец) не стреляет, (идет) не стрелять (птицу бить, птиц стрелять, бить зверя, рыб ловить), а благословляет, (идет) благословлять (молитву давать, палить в белый свет, на похороны собирать, кадилом кадить, время провожать, дичь пужать, детей крестить)» (№ 4, 5, 8, 9, 11, 12 (1), 12 (2), 13, 16, 20, 21, 22, 24).

В 5 текстах описывается процесс не должного заряжания ружья; инвариант: «(субъект заговора, чернец, поп, покойник) заряжает ружье не свинцом, поро-

хом, а золой (ладаном, сенной трухой)» (№ 1, 2, 3, 7, 17).

Комический эффект достигается в текстах либо из-за того, что их персонажи заняты несвойственными для них делами, либо они заряжают огнестрельное оружие не тем, чем следует: мертвец направляется в поле, чтобы там палить в белый свет, как в копейку (№ 13), поп идет в лес или в поле, чтобы там кадить кадилом (№ 20), имярек заряжает ружье не свинцом и порохом, а золой (№ 1).

В диалогическом заговоре третья синтагма выступает как отдельное предложение:

«Чтоб не повезло на охоте. (Заговор ведется двумя лицами, повторить три раза.)

Первое лицо: Кто идет?

Второе лицо: Охотники.

Первое лицо: Куда идут?

Второе лицо: Стрелять.

Первое лицо: Не стрелять, а дичь пускать. Пускай свои ружья налескуют⁴.

(Снять кальсоны и помахать ими в сторону охотников.)» (№ 22).

Можно выделить три группы текстов в соответствии с разными модусами существования магических формул:

1) формула функционирует самостоятельно, при этом она может несколько сокращаться в результате выпадения отдельных элементов и/или варьироваться в результате замены одних персонажей и атрибутов другими;

2) к формуле прибавляются другие формулы, в частности вступительные и завершающие слова христианских молитв или традиционные заговорные зачины и закрепки, например:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Идет не стрелец, идет мертвец; держит не ружье, а дубину. Во веки веков. Аминь!» (№ 10);

3) формула включается как составная часть в заговоры большего объема; при этом она может трансформироваться и/или контаминироваться с другими формулами.

Из 24 текстов, которые имеются в нашей коллекции, 16 относятся к первой

группе (№ 2, 3, 6–9, 11, 12, 14, 15, 18, 20–24), 4 текста — ко второй (№ 4, 10, 16, 19) и еще 4 — к третьей (№ 1, 5, 13, 17).

Параллельное существование текстов всех трех групп фиксируется в XIX — начале XX в. в устной и рукописной традиции. В записях же второй половины XX в. представлены только магические формулы, относящиеся к первой группе и зафиксированные в устном исполнении (№ 19–24). Рукописная традиция более сложных охотничьих заговоров к этому времени, по-видимому, угасла, хотя не исключено, что какие-то охотники еще продолжают ими пользоваться и в наше время.

ПОЭТИКА

В записях XIX в. тексты обычно записывались в виде прозы, при этом в рамках одной синтагмы в них спорадически встречаются рифмы, например: «Не охотник идет, а поп; не стреляет, а благословляет» (№ 4); «Не стрелец идет, а мертвец, не птицу бить, но на похороны собирать» (№ 8).

С конца XIX в. собиратели начинают записывать магические формулы, разбивая их на строки; при такой фиксации визуально отмечены рифмующиеся слова, например:

Это идет не стрелец с ружьем,

А поп с требником;

Он идет не птиц стрелять,

А молитву давать (№ 9).

В нашей коллекции из 24 текстов 5 записаны в виде стихов (№ 9, 11, 12, 19, 21), однако при желании так можно записать и несколько других заговоров. В одном из текстов, подвергшемся литературной обработке, парная рифма имеет регулярный характер:

Это идет не стрелец с ружьем,

А мужик с батожьем,

Не птиц себе стрелять,

А ко мне их гонять.

⁴ *Налесковать* — возможно, от глагола «ляскать» (хлопать, шелкать и т. п.) (№ 22).

Идет это *холоп*,
Да еще с *требником поп*,
Не птичек *стрелять*,
А молитву *давать* (№ 12).

Некоторые магические тексты по форме напоминают считалки или скороговорки (№ 19, 20, 23, 24).

ПЕРСОНАЖИ

Хотя фигура священника имеет религиозную значимость, в фольклоре (например, в «заветных» сказках) он предстает как комическая фигура, а в народных поверьях иногда даже воспринимается как колдун, который может успешно противостоять настоящим колдунам. Такое сочетание элементов сакрального, комического и демонического характерно в целом для рассматриваемых заговоров.

Картина того, как поп с кадилом или даже с кочергой направляется в лес, чтобы исполнять там молитвы или кого-то благословлять, носит несколько анекдотический и даже абсурдный характер, так как лес не самое подходящее место для молитв, а кочерга является неподходящим атрибутом для священнослужителя. Поскольку встреча с попом считалась дурной приметой, описание того, как поп направляется в лес вместо охотника, очевидно, представляет собой способ насылания порчи.

Характерно, что в апотропеических заговорах попы, охотники и рыбаки могут выступать в одном перечне с колдунами; например, в охотничьем заговоре из рукописи XVIII в., приобретенной в Соличаличском уезде Костромской губернии:

«Связали вы есте на семь свѣтъ на вольномъ семдесятъ князей Еллинскихъ, такъ же и вы есте свяжите нашихъ лихихъ людей и супостатовъ, *въдуневъ и въдуней, колдуновъ и колдуней, въщиковъ и въщницъ, порчельниковъ и порчельницъ, стричныхъ и постижныхъ, дохтуровъ и дохтурицъ, черныхъ и желтыхъ, и самоединовъ, и самоѣдокъ, и инокъ, старцовъ и старицъ, схимниковъ и схимницъ, поповъ и попадей, дяконовъ и дяконицъ, дячковъ и дячицъ, пономарей и пономарицъ, кузнецовъ и кузнецовыхъ женъ,*

польниковъ и льсниковъ, и залъшниковъ, рыбаковъ, мужей и женъ веселыхъ, и мѣхоношъ, и мой потъ и мою думу, старыхъ и младыхъ, и всякихъ лихихъ людей, и всякую лихую горячую кровь» [Виноградов 1908, 37, № 48].

Отправляясь в лес, охотник выходил из дому рано утром и старался идти так, чтобы никто его не видел и ни с кем не повстречаться, особенно со священником или монахом. Такая встреча еще со времен Древней Руси считалась несчастливой приметой. Если бы охотник повстречал попа, то он мог возвращаться домой, потому что его шансы на удачную охоту резко снижались.

Здесь перед нами интересный случай взаимодействия разных жанров фольклора. Магическая формула явно соотнесена с приметой, однако «разыгрывает» ее специфическим образом: если примета относится к ситуации случайной встречи со священником, то словесная формула как бы сама инициирует появление попа, правда, это происходит не в реальности, а в воображаемом пространстве магического текста. Причем ситуация меняется таким образом, что охотник не встречается со священником, а как бы сам им замещается или даже в него превращается.

Все известные нам записи имеют характер инструкций; описаний таких реальных ситуаций, когда один охотник видел другого и произносил магическую формулу, нам пока не попадалось. Насколько можно судить по имеющимся записям, текст магической формулы иногда произносился не при личной встрече двух охотников, а в такой ситуации, когда один охотник видел издали другого, но не вступал с ним в непосредственный контакт. Понятно, что у каждого из охотников были основания опасаться того, что его соперник первым найдет на него порчу. Можно предположить, что в такой ситуации каждый из охотников старался произнести магическую формулу раньше, чем это сделает другой. В общем, роли того человека, который насылает порчу, и того, кто становится ее жертвой, в данном случае имеют взаимно обратимый характер.

Каждый из охотников мог рассчитывать на то, что ему достанется добыча, которая ускользнет от другого охотника. Можно также предполагать, что при произнесении магической формулы он мог руководствоваться чувствами вражды и соперничества. К сожалению, о мотивах охотников в доступных нам источниках сообщаются весьма скудные сведения.

Рассмотренные нами тексты, вероятно, давали ключ к объяснению таких реальных ситуаций, когда ружье охотника давало осечку или он промахивался при стрельбе по зверю или птице. Тогда он вспоминал, с кем встретился по дороге в лес, и приписывал ему пагубное воздействие на свою охоту.

Как уже отмечалось, наиболее ранняя запись заговора сохранилась в рукописи, конфискованной у ее владельца в 1772 г. Это короткий заговор, который содержит характерные для таких текстов элементы: формулу зачина с описанием места действия и персонажей и формулу закрепки; в центральной части заговора сообщается о действиях этих персонажей и протагониста заговора. Текст носит «отреченный характер», поскольку в нем описываются действия 70 бесов, а в конце вместо слова «аминь» говорится: «А тем делам аминя нет»: «Из-за горы из-за тучи выходили семдесят бесов, выносили семдесят мешков не свинцу и не пороху, а золы от Адамовой кости. И я, раб, заряжаю ружье не свинцом и не порохом — золою. А тем делам аминя нет, небо — ключ, земля — замок» (№ 1).

Описание действий нечистой силы встречается и в тексте начала XX в., в котором черт подставляет охотнику мишень: «Чтобы испортить ружье». «Не стрелок стреляет, а чорт мишень подставляет»; сказать эти слова и плюнуть «на испашку», т. е. через левое плечо. (По поверью, плюнуть через левое плечо значит сделать угодное черту)» (№ 14).

Как уже отмечалось, если место попа в магических формулах занимал ходячий мертвец, то на месте церковных атрибутов в тексте появлялись гроб и осиновый кол. Мертвец фигурирует, например, в двух

заговорах, записанных у казаков в Восточной Сибири. Первый текст начинается с характерной для заговоров формулы отправления в путь, причем перед глаголами движения ставится отрицательная частица «не», что характерно для «черных» заговоров. Далее появляется образ покойника с ружьем, которое впоследствии заменяется на осиновый кол; напомним, что осиновый кол обычно используется с целью пробить им могилу ходячего покойника или даже его тело, чтобы он больше не вылезал из могилы и не пугал живых. Сама формула разрастается и контаминируется с другой формулой, призванной заменить порох золой, а пули водой. В результате возникает пусть и небольшой, но довольно сложный магический текст со смешанным комическим и пугающим эффектом: «Ляжу не помолясь, стану не благословясь, вижу — несут покойника, несёт он на плече ружё. Ето не покойник и не охотник ето, несёт он не ружё, а осиновый кол, у ево оружие не порох, а зола, а в руже ево ето не свинец, а вода» (№ 17).

Второй заговор также начинается с формулы отправления в путь; в ней на месте стрельца оказывается мертвец, но за плечами у него не осиновый кол, а гроб; завершается текст молитвенной формулой: «Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь из дверей дверьми, из ворот в ворота, в чистое поле в зеленые луга. Вижу и слышу я, что в том поле (или в лесах) идет (или едет такой-то), не стрелец, а мертвец, за плечами везет не ружье, а гроб. Он в поле идет бить не зверя рыскачего и не птицу летучую, а палить в белый свет, как в копейку. Так отныне и до века. Аминь» (№ 13).

Еще в одном заговоре, в котором фигурирует мертвец, об охотнике не упоминается, однако и этот текст можно условно отнести к нашей группе:

Порча ружья.

Встал Иван-мертвяк, пошел мертвяк, взял клюку железную.

Как воск (вариант: вода) не горит, так и порох не летит (№ 19).

ВЫВОДЫ

Несмотря на кажущееся разнообразие рассмотренных магических формул, их широкое географическое распространение и длительную историю бытования, они следуют определенным структурным моделям, которые демонстрируют значительную устойчивость на глубинном уровне и вариативность на поверхностных уровнях.

Все это в совокупности придает магическим формулам и заговорам устойчивость и одновременно пластичность, благодаря чему отдельные формулы могут существовать на протяжении столетий и распространяться на гигантские территории.

Магическая формула произносилась в опасной ситуации визуального контак-

та двух охотников, когда каждый из них мог опасаться того, что другой охотник наведет на него порчу с помощью заговора. В такой ситуации важно быстро сориентироваться и произнести магический текст так, чтобы успеть опередить своего соперника. Небольшой размер и поэтическая форма способствовали запоминанию этих текстов, облегчали их передачу от одного исполнителя к другому, упрощали произнесение текстов в ситуации неожиданной встречи с другим охотником, придавали текстам эстетическую привлекательность. Таким образом, структура и поэтика текстов во многом определялись особенностями их функционирования.

Перечень русских охотничьих заговоров на порчу оружия

1. Дубасов 1882, 695; Шацкий уезд Тамбовской губернии; дело 1772 г.
2. Срезневский 1902, 245, № 14; рукопись начала XIX в. куплена в Великом Устюге.
3. Виноградов 1908/1, 71, № 93; рукопись середины XIX в. найдена в Костромском уезде.
4. Виноградов 1908/1, 71, № 95; см. выше № 3.
5. Майков 1992, 133, № 317; зап. в Симбирской губ.; рукопись из архива РГО.
6. Лиль-Адам 1871, 322; зап. в дер. Княжая Гора Лужского уезда Санкт-Петербургской губ.
7. Шилков 1880, 333; зап. в Верхотурском уезде Пермской губ.
8. Зеленин 1916, 1254 (=Агапкина 2023, 272, № 60; 275, № 72); зап. в Саратовском уезде, рукопись прислана в РГО в 1889 г.
9. Горбанев 1893, 276; зап. в г. Ейске на Кубани.
10. Герасимов 1896, 2, № 8; зап. в д. Заречья Череповецкого уезда Новгородской губ.
11. РКЖБН 2007/5/3, 439(1); рукопись 1898 г.; зап. в Афанасьевской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губ.
12. Вашкинский 1902, № 26, 4, № 4; из записей во Владимирской, Костромской и Вологодской губ.
13. Логиновский 1903, 117–118; зап. от байкальских казаков.
14. Воскресенский 1905, 46, № 9; зап. в Селогорской волости Новгородского уезда и губ.
15. Овчинников 1910, 29, № 12; зап. в Иркутске.
16. Мансика 1926, 231, № 234; зап. в 1914 г. в с. Красное Пудожского уезда Олонекской губ.

17. Азадовский 1914, 014, № 44 (=РКОФ 1977, 296, № 363); из материалов, собранных в 1914 г. в казачьих поселениях на Амуре.

18. Серебренников 1918, 26–27; зап. в Оханском уезде Пермской губ.

19. РКОФ 1997, 296, № 364; зап. в 1964 г. в г. Белове Кемеровской обл.

20. РЗ 1998, 229, № 1363; зап. в 1973 г. в д. Матрук Ленского р-на Архангельской обл.

21. РКОФ 1997, 297, № 365; зап. в 1974 г. в г. Красноярске.

22. Новиков 2009, 508, № 958; зап. в 1977 г. в с. Ужусалыя Йонавского р-на Литвы в 1977 г.

23. Щепанская 2003, 156–157; зап. в 2000 г. в Буйском р-не Костромской обл.

24. Щепанская 2003, 156–157; зап. в 1988 г. в с. Благовещенск Вельского р-на Архангельской обл.

Источники и материалы

Агапкина 2023 — Заговоры из архивных источников XVIII — первой трети XX в.: В 2 т. Т. 1 / Изд. подгот. Т. А. Агапкина. М.: Индрик, 2023.

Азадовский 1914 — Азадовский М. Заговоры амурских казаков // Живая старина. 1914. Вып. 3/4. Прил. № 1. С. 05–015.

Вашкинский 1902 — Вашкинский А. (Смирнов А. В.) Заговоры (Наговоры, нашептывания, заклинания и пр.) // Владимирские губернские ведомости. Часть неофиц. 1902. № 26. С. 3–4.

Виноградов 1908/1 — Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям). СПб.: Тип. М. М. С. (т-ва И. Н. Кушнерев и К^о), 1908. Вып. 1.

Герасимов 1896 — *Герасимов М. К.* Молитвы, заговоры и заклинания, записанные в Череповецком уезде // Новгородские губернские ведомости. Часть неофиц. 1896. № 69. С. 2.

Горбанев 1893 — *Горбанев П.* Народные средства для лечения болезней // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Изд. Упр. Кавказ. учеб. округа, 1893. Т. 16. С. 154–186.

Дубасов 1882 — *Дубасов И. И.* Из тамбовской народно-отреченной литературы // Исторический вестник. 1882. № 6. С. 693–695.

Зеленин 1916 — *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива императорского Русского географического общества. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1916. Т. 3.

Логиновский 1903 — *Логиновский К. Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков // Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Владивосток, 1903. Т. 9. Вып. 1. С. 1–135.

Майков 1992 — Великорусские заклинания: Сборник Л. Н. Майкова / Послел., прим. и подгот. текста А. К. Байбурина. СПб.; Париж: Изд-во Европ. Дома, 1992.

Мансикка 1926 — *Мансикка В. Й.* Заговоры Пудоожского уезда Олонейской губернии // *Sborník filologický. Vydává III Třída Česke Akademie věd a umění. Sv. 8. Č. 1. Praha, 1926. S. 185–233.*

Новомбергский 1909 — *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. (Материалы). Томск: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. Т. 2.

Овчинников 1910 — *Овчинников М. П.* Материалы для изучения народного знахарства и отреченной литературы в Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Т. 39. 1908. Иркутск, 1910. С. 24–35.

РЗЗ 1998 — Русские заговоры и заклинания: Матер. фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В. П. Аникина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.

РКЖБН 2007/5/3 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007.

РКОФ 1997 — Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока:

Песни. Заговоры / Науч. ред. В. С. Кузнецова. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997.

Серебренников 1918 — *Серебренников В. Н.* Народные заговоры, записанные в Оханском уезде Пермской губернии. Пермь: Гос. тип. № 7, 1918. С. 1–28.

Срезневский 1902 — *Срезневский В.* Отчет Отделению русского языка и словесности императорской Академии наук о поездке в Вологодскую губернию (Май — июнь 1901 года) // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1902. Т. 7. Кн. 4. С. 128–245.

Шилков 1880 — *Шилков П. А.* О суевериях и заговорах // Пермские губернские ведомости. Часть неофиц. 1880. № 85. 22 окт. С. 332–333.

Щепанская 2003 — *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003.

Исследования

Гура 2009 — *Гура А. В.* Рыболовство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 507–514.

Денисевич 2001 — *Денисевич К. Н.* Охотничья и рыбацкая магия Каргополья // Живая старина. 2001. № 3. С. 48–50.

Добровольская 2009 — *Добровольская В. Е.* «Всяка рыба хороша, коли на уду пошла...»: Запреты и предписания, связанные с рыболовством // Живая старина. 2009. № 2. С. 29–31.

Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е. Е.* Охотник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 599–604.

Ляхова 2009 — *Ляхова Ю. В.* Магия каргопольских и няндомских охотников и рыбаков // Живая старина. 2009. № 2. С. 19–22.

Мороз 2013 — Знатки, ведуны и чернокнижники: Колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: Форум; Неолит, 2013.

Трофимов 2001 — *Трофимов А. А.* Ритуально-магическая практика рыбаков Каргопольского района Архангельской области // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. М.: Лабиринт, 2001. С. 54–57.

© А. Л. Топорков, 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Топорков А. Л. <https://orcid.org/0000-0002-3106-3819>

Член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: atoporkov@mail.ru

The Structure, Poetics and Pragmatics of One type of the Hunting Plots

Andrey L. Toporkov

(M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *This article is devoted to a group of hunting incantations and magic formulas which were recorded over the last two centuries in the vast territory of the Russian north and north-west, southern and central Russia, the Volga region, the Urals and Siberia. Based on a collection of 24 texts, information about their history, geographical distribution, structure, poetics and characters is presented. A magic formula was pronounced when two hunters made visual contact, because each of them might fear that the other would cast an evil spell using a verbal charm or incantation. In such a situation, it was important to recite the magical text quickly in order to outpace one's rival. The small size and poetic form of the magical texts facilitated their memorization, aided their transmission from one performer to another, simplified their pronunciation, and gave them aesthetic appeal. Thus the structure and poetics of the texts were largely determined by the peculiarities of their function.*

Key words: *incantations, magic formulae, hunters, structure, poetics, functions.*

Received: September 27, 2025.

Date of publication: March 30, 2026.

For citation: Toporkov A. L. The Structure, Poetics and Pragmatics of One type of the Hunting Plots. *Traditional Culture*. 2026. Vol. 27. No. 1. Pp. 95–105. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.1.008>

References

Gura A. V. (2009) Rybolovstvo [Fishing]. In: *Slavyanskie drevnosti: Ehtnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 507–514. In Russian.

Denisevich K. N. (2001) Okhotnich'ya i rybatskaya magiya Kargopol'ya [Hunting and Fishing Magic of Kargopol]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2001. No. 3. Pp. 48–50. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2009) «Vsya ryba khorosha, koli na udu poshla...»: Zaprety i predpisaniya, svyazannye s rybolovstvom [“All Fish is Good, if it Went for a Hoe...”: Prohibitions and Regulations Related to Fishing]. *Zhivaya*

starina [Living Antiquity]. 2009. No. 2. Pp. 29–31. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2004) Okhotnik [Hunter]. In: *Slavyanskie drevnosti: Ehtnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, Pp. 599–604. In Russian.

Lyakhova Yu. V. (2009) Magiya kargopol'skikh i nyandomskikh okhotnikov i rybakov [Magic of Kargopol and Nyandom Hunters and Fishermen]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2009. No. 2. Pp. 19–22. In Russian.

Moroz A. B. (ed.) (2013) Znatki, veduny i chernoknizhniki: Koldovstvo i bytovaya magiya na Russkom Severe [Connoisseurs, Veduns and Warlocks: Witchcraft and Everyday Magic in the

Russian North]. Ed. by A. B. Moroz. Moscow: Forum; Neolit. In Russian.

Trofimov A. A. (2001) Ritual'no-magicheskaya praktika rybakov Kargopol'skogo raiona Arkhangel'skoi oblasti [Ritual and Magical Practice of Fishermen of the Kargopol District of

the Arkhangelsk Region]. In: Muzhskoi sbornik. Vyp. 1: Muzhchina v traditsionnoi kul'ture [Men's Collection. Iss. 1: A Man in Traditional Culture]. Moscow: Labirint. In Russian.

© A. L. Toporkov, 2026

ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Toporkov <https://orcid.org/0000-0002-3106-3819>

E-mail: atoporkov@mail.ru

Tel.: +7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)